ВЕРА

Уже более трех часов Вера шла без остановки по широкому, ровному зимнику, встречая лицом холодный, пронзительный ветер. По ее расчетам, деревня должна была показаться еще минут двадцать назад. Желая отогнать подальше тревожные мысли, одолевавшие ее все сильнее, она принялась вспоминать весь свой долгий путь, который начался еще вчера утром.

Мать разбудила Веру около шести и помогла собирать ей вещи в дорогу. Уложив смену белья и запасные варежки, они вместе принялись размещать в большом видавшем виды чемодане все то, что было приготовлено для отца: несколько нательных рубах и кальсон, портянки, шерстяные носки и теплый шарф, чай, сахар, табак и узелок с домашними пирожками, которые вкусно пахли и еще не потеряли тепло белобокой печи.

В дорогу Вера отправилась не одна – у ее подруги Татьяны отца тоже под осень призвали в армию и определили в ту же самую часть, которая располагалась в Ивановской области в двухстах пятидесяти километрах от их родного дома. Чтобы добраться туда, надо было сначала доехать до райцентра, потом пересесть на автобус до железнодорожной станции Навашино, а там уже на попутном поезде пересечь Оку, на левом берегу которой раскинулся древний, усеянный монастырями и храмами Муром. Потом им предстояло еще две пересадки – в Муроме на поезд до Владимира и во Владимире на состав «Горький – Москва» до станции Ундол. Затем – еще километра три пешком до небольшого города Собинка, где располагалась воинская часть.

Отцы девушек квартировали в одном из небольших неказистых домиков на окраине Собинки. Мест в казармах, изначально не рассчитанных на такое количество новобранцев, не хватало, и местные жители радушно принимали свежеиспеченных красноармейцев у своего скудного по военному времени очага.

В автобусе Татьяна без умолку болтала и заставляла скромную и немногословную Веру то краснеть, то заливаться смехом, а то и хмуриться в негодовании на Татьянин язык без костей, успевший за эти полтора часа пройтись почти по всем их общим знакомым.

Оказавшись в поезде, подруги решили подкрепиться и достали из своей клади узелки со снедью, собранные руками их матерей – хлеб, лук, пара вареных яиц и несколько запеченных в мундире картофелин. Луковица хрустела на зубах, яйца и картофель приятно согревали, а Таня по-прежнему весело щебетала, время от времени сопровождая свою речь звонким искрящимся смехом.

Высадившись после двух пересадок на станции Ундол, Вера первым делом попросила Татьяну помочь ей закрепить за спиной чемодан – в руках его было нести неудобно и тяжело. Подруги в приподнятом настроении двинулись в путь. От встречи с родителями их отделяло минут сорок неспешной ходьбы. Снежный наст торжественно поблескивал, Вере нравилось подставлять лицо под лучи яркого зимнего солнца и вдыхать звенящий и обжигающий морозный воздух.

Татьяна, видимо, растратив запасы свежих новостей еще в поезде, большую часть пути до Собинки помалкивала, лишь время от времени заливаясь заразительным хохотом то при виде неуклюжих щенят, то в ответ на безобидные дразнилки местных мальчишек. На подходе к нужному дому она резко ускорила шаг и, не сдержавшись, просто помчалась навстречу высокому темноволосому мужчине, встречавшему ее у крыльца.

– Папа, папочка! Наконец-то мы встретились! Я так ждала, так ждала! Как только вернулись от тебя две недели назад – сразу ждать начала. Варежки тебе вязала теплые. Не замерзнешь в них теперь ни за что! – Таня с разбегу повисла у отца на шее и без умолку изливала на него потоки своей неприкрытой подростковой радости.

– Ну ты даешь, Танюха! Шею ведь так свернуть можно! Ну хватит уже телячьих нежностей, спускайся давай – не маленькая уже. – Из-под напускной строгости Таниного отца проглядывала родительская нежность.

– Папа, папа, а мы так быстро в этот раз добрались. И поезда ждать почти не пришлось, ни в Навашине, ни во Владимире. Мы, наверное, дольше Веркин чемодан ей на спину прилаживали, чем сюда добирались.

– Здравствуй, Вера! А тебя что – никто не предупредил? Семена Ивановича перевели в Курилово, это километров пятнадцать отсюда. Уже дней семь, кажись, как перевели.

– Ой, а мы и не знали! А как добраться туда – вы подскажете? Мне тогда торопиться надо, чтоб обратно успеть.

– Подскажем, конечно, но ты небось с дороги устала? Давай проходи, мы тебя сначала чаем напоим и дорогу расскажем, и про новости последние поспрошаем.

Из вежливости Вера не могла отказаться.

Оказалось, ее отец теперь проживает в селе Курилово в самом крайнем кирпичном доме. Добираться туда лучше всего по зимнику, который проложили от города до близлежащих деревень и поселков. Километров через десять будет развилка, у которой надо будет повернуть налево. Идти долго – часа три можно протопать, но попутный транспорт найти сейчас тяжело, а если поторопиться, то можно и до темноты успеть.

– Три часа ходу всего? Да мы в школу в Проволочную за десять километров каждый день бегаем, дядь Сереж. Я мигом дойду. Подсобите только чемодан надеть, а то одной мне не с руки. – Вера заторопилась в дорогу. Погода начала портиться – солнышко затянуло облаками, а голые кусты в палисаднике принялись раскачиваться от порывов крепчающего ветра.

Уже часа через два она миновала нужный поворот и, постоянно поправляя на ходу болтавшийся за спиной чемодан, зашагала по ровной зимней дороге. Но вот прошло уже около трех часов с начала пути, а никаких населенных пунктов перед Верой так и не возникло. Колючий ветер пробирал до самых костей. Чемодан нещадно натирал спину. Чтобы хоть как-то отвлечься, Вера решила подумать о чем-то приятном.

* * *

Ей вспомнился жаркий июльский день, бескрайний зеленый луг и ярко-синее небо, загорелые мускулистые руки отца и его добрые васильковые глаза, щурившиеся не то от солнца, не то от удовольствия. Вере тринадцать. Косу ей держать было тяжело, и она орудовала серпом, сосредоточенно подрезая пучки высокой и сочной травы. Было приятно работать вместе с отцом, который всегда восхищал ее своей силой, спокойствием и добротой. Он почти никогда не ругал за проступки, а обсуждал – как все можно поправить, не повышал голос, а тихо и спокойно произносил единственно нужные в ситуации слова, не сетовал об упущенных возможностях, а скорее принимался за новое дело.

Она охотно сама вызывалась ему помогать в любой работе, даже в такой, где требовалась мужская сноровка и сила. Так было и на этот раз. Лена с Шурой помогали матери хозяйничать по дому, Аркаша был еще мал для работы и возился во дворе с солдатиками, которых отец вырезал ему из дерева. А Вера, встав еще в четыре утра, успела подоить корову и отправилась в сарай – точить серп, с вечера условившись, что она пойдет с отцом на сенокос.

Увлеченные делом, они слишком поздно заметили стремительно надвигавшееся с запада грозовое облако. Пытаться укрыться в лесу было бесполезно – до него с полчаса быстрой ходьбы. Крупные первые капли настоящего летнего ливня уже бесцеремонно трогали их за руки, шею, спину и голову.

Отец недолго думая бросился к оставленному в стороне узелку с едой и своему прорезиненному плащу, в котором работал в сырую погоду. Буквально в три прыжка преодолев обратный путь, он быстро накинул на Веру плащ, укрывший ее с головой, и вручил узелок, за содержимое которого они еще и не успели приняться. Тем временем ливень припустил уже сплошной стеной из бесчисленных холодных капель.

– А ты? А как же ты? – закричала Вера, пытаясь преодолеть шум дождя.

– Да не боись! Не сахарный ведь, не растаю! – отец смотрел на нее с улыбкой, глаза блестели. Он расправил спину, развел руки в стороны и подставил ладони навстречу ливню.

Несмотря на этот бодрый возглас, Вера испугалась за отца. Она смотрела, как дождь нещадно хлестал его по груди, спине, плечам, темени и затылку, струйками стекал по лбу, животу и ногам, и дрожала от внезапно наступившего холода и неудержимого волнения.

– Ну что ты, замерзла? Потерпи чуть-чуть. Скоро пройдет. Вон уже и солнышко появилось. – Рука отца указывала на участок неба, на котором виднелись золотистые блики, пробивающиеся сквозь редеющие облака.

– Я за тебя боюсь!

– Не бойся, заботушка, я теперь как новенький, в бане так не помоешься!

Солнце наконец разбросало своими лучами тучи и во всем своем величии предстало перед ними. У опушки леса переливалась своим семицветьем радуга, прохладная свежесть разливалась в воздухе. Вера с отцом принялись раскидывать на земле скошенную ими траву на просушку.

По дороге к дому она на минуту остановилась около одиноко стоящей в поле березы. Всматриваясь в ее белоснежный, ветвистый ствол, пышную крону и влажные, обласканные дождем листья, Вера вдруг представила своего отца в виде большого красивого дерева, подставляющего свои ветви и листья долгожданному ливню.

«Вот это сила!» – беззвучно прошептала она и, откликаясь на громкий отцовский призыв, припустила вдогонку, ловко перебирая по скользкой траве босыми ногами.

* * *

Словно по волшебству, сотворенному этим теплым воспоминанием, на горизонте замаячили белые столбики дыма – значит, до деревни оставалось совсем немного. Чуть позже послышалось и вечернее собачье многоголосье. Собрав все свои силенки, Вера прибавила шаг. Когда стали видны очертания ближайших к дороге домов, она сразу выхватила взглядом тот единственный из них, который своими кирпичными боками разительно отличался от своих рубленых, обшитых досками и порой изрядно покосившихся соседей. Вера направилась прямиком к нему, даже не пытаясь унять свое затрепетавшее сердце.

С калиткой пришлось немного повозиться – она была закрыта изнутри на какой-то хитрый запор. Бегло осмотрев двор и убедившись в отсутствии собаки, Вера быстро преодолела пространство от ограды до крыльца и постучала в крепкую массивную дверь. Сразу после ее стука в доме началось какое-то суетливое оживление, и через некоторое время перед ней предстал с виду бодренький и хитроватый старичок лет семидесяти пяти с окладистой седой бородой и выразительными голубыми глазами. Перед выходом он успел натянуть на ноги валенки, накинуть на плечи тулуп и нахлобучить на голову потрепанный треух.

– Здравствуйте, дяденька! А я к Карпову Семену Ивановичу. Дочка его. Он у вас уже с неделю как проживает.

– Кто таков? Ты шутишь что ли, милая? Не знаем мы таких. – На лице старика читалось, казалось бы, искреннее удивление.

– Да как же я шучу?! Он красноармеец. Его роту из города к вам в село перевели да по домам распределили. Неужто вы не знаете?

– Тебя случаем не сосед Никифор подослал – голову мне, старому, подурить? Нету у нас на селе солдат. Привезут когда – пущу, конечно. А нынче до этого дело еще не дошло.

– Как же так? Что же меня – обманули? – Вера почти уже ничего не видела из-за накативших на глаза слез.

– Да погоди ты убиваться! Что тебе про отца-то сказали? Говори толком!

– Сказали, что перевели неделю назад в Курилово и что живет он теперь в самом первом кирпичном доме. Других кирпичных домов, кроме вашего, я здесь и не видела. – Голос Веры осип от холода и навалившихся неприятностей.

– Ну ты даешь! Ты же совсем в другую сторону приперлась. Это Карачарово, а не Курилово. До Курилова отсюдова версты три еще будет.

Вера застыла, как вкопанная. Ей показалось, что сердце в груди перестало биться.

– Дяденька, это ведь я на развилке не туда повернула. Мне сказали налево, а я направо повернула. Вот дура! – Она готова был провалиться на месте, но дело было еще не закончено. – Простите меня, дяденька, ради бога! С толку сбила вас совсем, глупая. Побегу.

– Да куда ты пойдешь? Посмотри, как заворачивает. Того и гляди пурга начнется. Оставайся у меня ночевать. Места хватит. А утром, глядишь, и с транспортом чего-нибудь придумаем.

– Что вы, что вы, дяденька! У нас поезд завтра утром. Меня подруга в Собинке дожидается, а дома мама будет волноваться. Мне опаздывать никак нельзя. Я и так всех вон как подвела. Побегу. До свидания!

– Беспокойная ты душа! – Этих слов старика Вера уже не слышала, так как были они произнесены вослед ее удаляющейся спине.

Седобородый дед еще некоторое время постоял на крыльце, достал бумагу и махорку из кармана, скрутил цигарку и стал вдумчиво, неторопливо затягиваться, провожая взглядом девчонку с большим чемоданом за плечами.

* * *

Как Вера добралась до Курилова, она помнит смутно. Помнит только бесконечный, колючий снег в лицо, боль в плечах и спине, помнит, как веселые молоденькие солдатики помогали ей взбираться в кузов грузовика да спускаться на землю у взъезда в село. Нужный дом она узнала сразу. Во всех его окнах было светло, из печной трубы валил густой и вкусный дым, тропинки, ведущие к калитке и к входу во внутренний двор, были расчищены, несмотря на только что закончившуюся метель.

Пошатываясь, Вера зашла на крыльцо и постучала в дверь массивной бронзовой ручкой. Ей показалось, что прошло уже довольно много времени, а ей так и не открыли. Поэтому она застучала еще и еще, пока не услышала в сенях неспешные шаркающие шаги. Дверь отворила сухенькая маленькая сгорбленная старушка. Одной рукой она опиралась на гладко обструганную палку, а в другой держала испускавшую тусклый, еле уловимый свет керосиновую лампу.

– Кто тут? – еле слышно проскрипела бабушка, поначалу не рассмотрев нежданную гостью. – Что тебе надо, девонька?

– Здравствуйте! Карпов Семен Иванович у вас проживает?

– У нас. А ты кто ему – дочка, что ли?

– Да, так и есть – дочка. А он дома сейчас? Можно с ним повидаться?

– А вы ведь с ним разминулись, милая. Он сегодня утром к себе в село поехал. В командировку его отправили, за табаком. Вернется не раньше чем к послезавтрему.

– Ну что за напасть такая! – выдохнула Вера и медленно осела на крыльцо вместе со своей несуразной поклажей. Слезы хлынули из глаз как-то сами по себе и без остановки потекли по замерзшим щекам.

– Милая, ну что ты так убиваешься-то? Чай не последний раз. Свидитесь еще. Он завтра в ночь уезжает. Успеешь, поди, нагнать его. Неужто завтра к вечеру до дома не доберешься? А поклажу я давай тебе облегчу – ты же ведь это все отцу принесла, не себе же? Поднимайся давай, девонька. Пойдем в дом – чайку попьем да чемодан твой разберем.

Вера подчинилась уговорам бабушки и пошла за ней. Та сняла с нее всю верхнюю одежду и шерстяные носки, разложила все на печи сушиться, потом поставила самовар и даже достала к чаю несколько немаленьких кусков сахара.

Вместе с теплом, исходившим от кружки с чаем, боков русской печки и глаз добродушной хозяйки дома к Вере вернулось спокойствие. Она согласилась переночевать у старушки, рассчитывая отправиться назад в Собинку в четыре утра, чтобы наверняка успеть на десятичасовой поезд до Владимира.

– А ведь твоему отцу годов-то немало? Как он в армию-то попал? – полюбопытствовала бабуля у Веры за чаем.

– Немало, сорок четыре уже. В прошлом году под призыв еще по возрасту не подходил. А в этом году дали бронь – он на лесосеке работал. Так отец взял и попросил перевод в сельпо, в магазин. Знал ведь, что на эту работу брони нету. Специально попросил – совестливый он очень. Все его соседи, друзья да кумовья давно на фронте, некоторых уже и в живых-то нет, а я, мол, до сих пор в деревне отсиживаюсь. Летом в магазин перевелся, а осенью уже и призвали. Вот уже больше месяца здесь военному делу обучают. Скоро должны на фронт отправить. Только он не знает – когда точно.

– Серьезный он у вас мужик, надежный. Сколько уже таких на войну отправили. У меня у самой три сына, тоже немолодые, – и все на фронте. Живы пока, слава богу. Первыми-то внуков забрали. У меня их пятеро – и тоже все мужики. Из них уже двоих похоронили, – последнюю фразу старушка произнесла сдавленным голосом, прикрывая глаза рукой.

После этого разговор как-то расклеился, и Вера отправилась укладываться на ту самую кровать, на которой прошлой ночью спал ее отец.

Вернувшись на следующий день к себе домой, она опять его не застала – от военкомата шел попутный транспорт до Владимира, и отцу было велено воспользоваться этой возможностью как можно скорее вернуться в часть.

* * *

Прошло несколько дней с последней поездки Веры к отцу. Было уже за полночь. Она лежала на кровати и тщетно пыталась заснуть. Различные мысли о постигшей ее неудаче постоянно крутились в голове, сменяя друг друга. За окном уже начал брезжить рассвет, когда она наконец начала засыпать.

Внезапно на улице послышались странные для этого времени суток звуки – Вере показалось, что заскрипела калитка и на крыльце зазвучали чьи-то шаги. Она насторожилась и стала прислушиваться. Кажется, кто-то из домашних тоже проснулся и пошел посмотреть на незваных гостей. После непродолжительного шума в сенях все опять стихло, и Вера, успокоившись, заснула.

Ей приснилась широкая зимняя дорога и черный, угрюмый лес по ее бокам. Она шла по этой дороге и считала снежинки, которые ветер бро-

сал ей в лицо. Полная луна освещала ей путь, ровно подсвечивая его своими безжизненными, холодными лучами. Чемодан за спиной был непосильно тяжелым и заставлял ее сгибаться до самой земли. После пятьсот тридцатой снежинки дорога внезапно оборвалась, и Вера вышла на большой зеленый луг, над которым сияло солнце и раскинулась яркая, словно нарисованная, радуга. Посредине луга стоял отец и, протягивая к ней руки, говорил: «Вера, доченька, давай прощаться. Уезжаю я».

Что-то теплое и шершавое коснулось ее лба. Вера открыла глаза и увидела рядом с собой отца, который гладил ее по голове и ласково улыбался. Волею случая состав, который должен был доставить их на передовую, отправлялся именно из Навашина, и Семен Иванович отпросился не несколько часов попрощаться с семьей. Вера почти ничего ему не сказала. Только держала за руку и смотрела прямо в глаза. А он ей улыбался.

* * *

Через месяц с фронта пришла похоронка. Отец Веры погиб в боях за станицу Боковская в ходе контрнаступления Юго-Западного фронта, получившего название «Малый Сатурн».

Его дочери Вере уже девяносто лет. У нее четверо детей, шесть внуков и семь правнуков.

ДЕТВОРА

Солнечные лучи пробивались сквозь пока еще густую желто-красную листву. Несмотря на мягкую погоду настоящего бабьего лета, погулять во двор сегодня вышли всего четверо: Вовка, Володя, Ирма и, конечно же, я, который как всегда искал уединения, но в результате нарвался на компанию. Впрочем, этой компании я и не стал бы избегать, поэтому совсем не расстроился.

– Ну, мальчики, во что будем играть? – Ирма, как всегда, проявила инициативу, заряжая остальных своей неуемной энергией. Она была самой старшей из нас – ей уже давно исполнилось шесть. Во многом она была похожа скорее на грузинского пацаненка, чем на грузинскую девочку – решительная, смелая, сильная, – настоящий лидер. Даже внешний вид ее был скорее мальчуковый – короткая стрижка, брюки, кофта с длинными рукавами, разнообразные ссадины и синяки по всему телу, полученные при покорении различных препятствий, огромные карие озорные глаза. Лишь небольшие сережки в ушах могли подсказать постороннему человеку, что перед ним все-таки девочка, а не мальчик. Ирма всегда была заводилой и обладала редкой способностью отстаивать и даже навязывать свои интересы в любой компании, в какой бы ни участвовала.

– Может, в прятки? – робко предложил Володя, ангелоподобный пятилетний блондин с голубыми глазами.

– В прятки мы уже вчера играли, – возразила Ирма со своим неповторимым акцентом. – Давайте играть в магазин! Чур, я продавец!

– А что мы будем продавать? – зеленоглазому шатену Вовке играть в магазин, конечно, не хотелось. Он был любителем подвижных игр. Поэтому, видимо, и решился покритиковать предложение Ирмы. – У нас нет ничего.

– Как нет? А ваши игрушки, а Глебкины шашки? У нас будет галантерейный магазин. Мы с мамой заходили в такой, когда только в Москву приехали. Я видела, как там все устроено. Глебка (это она так ко мне обращалась), тащи шашки! А вы принесите сюда ваши машинки и солдатиков. Скамейка будет как будто прилавок. Я буду за ним стоять и предлагать вам товар, а вы будете выбирать, что вам нужно, и расплачиваться.

– А мне нечем расплачиваться – у меня нет сегодня конфет! Ты вчера последние забрала. А бабушка теперь приедет только завтра. – На Володю это было непохоже. Он как самый маленький обычно делал все, что скажут ему старшие, и никому не перечил.

– А я записывать буду, а потом скажу – сколько конфет вы мне должны. Отдадите потом. – Тон, которым Ирма осадила осмелевшего Володю, не предполагал дальнейших возражений.

– Это нечестно. Играем вместе, а конфеты только тебе достаются, – это уже Вовка подключился. Оппозиция Ирме в лице двух Владимиров достигала поистине невиданных доселе масштабов.

– Еще как честно! Когда научитесь считать по-настоящему, тоже будете продавцами. А пока только я могу.

Я, как всегда, робко стоял в сторонке и помалкивал. Хорошо считать я умел уже давно. Но сказать об этом сейчас – значит, пойти на конфликт с самой Ирмой. Я даже представить себе такое не мог.

– А мы можем считать! Ты и не спрашивала никогда! – Володя был возмущен таким прямолинейным лукавством. – Давай мы все по очереди будем продавцами!

– А давай твой папа в следующий раз мультики только нам четверым будет показывать! И со звуком! И новые, каких еще никто не видел! – Ирма попыталась сбить основного оппонента с толку и, кажется, ей это удалось.

– Не будет! Я даже просить не буду! – нижняя губа у Володи предательски задрожала. – Когда Глебу папа с мамой железную дорогу на день рождения подарили, вы все пошли в нее играть, а меня не позвали!

– Ну не дуйся ты! Хочешь, мы завтра в нее только с тобой будем играть. Никого больше не возьмем. Скажи ему, Глеб!

Я поспешно закивал.

– Да он всегда все тебе разрешает! – Володин гнев грозил уже перекинуться на меня. Политика мирного нейтралитета оказалась не такой уж безопасной.

– Потому что он – мой жених! – Ирма приобняла меня за плечо. Ее глаза торжествующе блестели. – Мы даже с ним и моей мамой в воскресенье вместе ходили на аттракционах кататься в парк Горького. Только он маленький еще – испугался, заплакал. Его там все успокаивали. Но ничего – Глебка скоро вырастет и не будет ничего бояться. И тогда мы с ним поженимся!

– А я никогда не женюсь. Я буду маме помогать. Она устает очень. На двух работах работает, чтобы нас с Сашкой прокормить. – Ясные Вовкины глаза засверкали непоколебимой уверенностью.

– А я – папе, – Володя ни в чем не хотел отставать от более старшего тезки, – он после аварии сильно хромает и не может работать как раньше. И поэтому мы этим летом не поехали в Крым.

– А где это – Крым? – осмелился поинтересоваться я.

– На юге. Там есть море и горы, и всегда тепло. Мы туда на машине ездили. Каждый год. – Володя мечтательно уставился куда-то вверх.

– А у нас в Грузии тоже есть море. И тоже тепло. Я с мамой много-много раз была на пляже. Я уже плавать хорошо умею. – Ирма не могла стерпеть, когда внимание окружающих переключалось на кого-то другого.

– А давайте лучше играть в моряков! – предложил никогда не видевший моря Вовка.

– Давайте! – неожиданно поддержала его Ирма – Чур, я капитан!

– Не капитан, а капитанша! – Вовка по-джентльменски не стал возражать, и мы, дружно заливаясь счастливым смехом, побежали к небольшому мостику, который вел к отдельно стоящему во дворе флигелю и очень подходил для того, чтобы стать нашим «Летучим голландцем».

Володю я тогда видел в последний раз. Нас оперировали в один и тот же день. Я выкарабкался, а он – не смог. Его сердце не выдержало

нагрузки. Володин папа с неизменным кинопроектором в чемоданчике в кардиоцентре больше не появлялся.

Вовка почти целый год после операции вместе с мамой боролся за свою жизнь. С истинно белорусским терпением он выдерживал все испытания и муки, которые выпали на его долю. Этот народ еще во время Великой Отечественной научился терпеть так, как никто не умел. О его смерти я узнал лет через восемь или десять, слишком настойчиво пытаясь выяснить у своих родителей после очередной посылки из Минска о том, как дела у Вовки и как мне с ним можно связаться.

О дальнейшей судьбе Ирмы мне ничего не известно. Мама не запомнила ни ее фамилию, ни адрес (то ли Батуми, то ли Кутаиси). Операцию ей делать так и не стали, и она, пробыв почти все лето в Москве, вернулась с мамой в Грузию. Как оказалось, грузинское имя Ирма (пожертвованная богу войны) только внешне совпадает со своим германским аналогом и является весьма популярным в своей стране, поэтому найти ее через Интернет у меня так и не получилось. Жива ли она? Есть ли у нее семья, дети? Кем работает? Где живет? – я уже никогда не узнаю ответы на эти вопросы. Но помнить ее я буду всегда. Как Вовку. Как Володю. Как и других маленьких пациентов кардиоцентра.

Буду помнить и этот сокрытый от взоров обычных прохожих двор на Ленинском проспекте, который каждый родитель первый раз посещал с надеждой и верой в спасение, а в последний – либо с неповторимой радостью и уверенностью в будущем, либо с отчаянием и тоскливой болью, до конца жизни не покидавшей его.